

Валентина КОРОСТЕЛЁВА

г. Балашиха

«Ел хлеб с водою и марал стихи...»

«Бывший статс-секретарь при императрице Екатерине Второй, сенатор и коммерц-коллегии президент, потом при императоре Павле член Верховного совета и государственный казначей, а при императоре Александре министр юстиции, действительный тайный советник и разных орденов кавалер, Гавриил Романович Державин родился в Казани от благородных родителей в 1743 году июля 3 числа», — так начал он свои автобиографические «Записки». И если с его поэзией читатель более-менее знаком, то «Записки из известных всем происшествиев и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина» — издавались очень редко и малыми тиражами. А разве можно сравнить биографические сочинения литературоведов с живым, сочным державинским языком, сохранившим аромат той эпохи! К тому же кто как не сам писатель расскажет о судьбе своей максимально достоверно? И кроме того, профессиональным литератором он стал в шестьдесят лет. Значит, громадная часть жизни его была связана отнюдь не только с литературой. Хотя отделить одно от другого нельзя...

*Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил...*

Крылатые эти строки Пушкина из романа в стихах «Евгений Онегин» возвращают нас в Царскосельский лицей на 200 лет назад, когда в присутствии Г.Р. Державина свое стихотворение «Воспоминания в Царском Селе» читал будущий гений. И вот как вспоминал тот день самый близкий лицейский друг

Александра Сергеевича Иван Пущин: «Державин державным своим благословением увенчал юного нашего поэта... Когда же патриарх наших певцов в восторге, со слезами на глазах бросился целовать и осенил кудрявую его голову, мы все, под каким-то неведомым влиянием, благоговейно молчали...»

Уже один этот факт говорит о громадном авторитете Гавриила Романовича среди просвещённой России тех лет. И не удивительно: он был не только талантливым поэтом, но и новатором. Будучи последователем Ломоносова, Державин сделал большой шаг к более понятному, разговорному, языку, при этом гармонично сочетая его с «высоким стилем», если требовало содержание. Позднее такое соединение стали называть «смешанным» стилем.

Но скоро только сказка сказывается... Мы знаем, что жизнь Державина была полна стольких мук и разочарований, стольких отнюдь не поэтических трудов, стольких крутых ступеней и бурь, что остаётся удивляться силе его духа и природному оптимизму; что, пройдя всё, он остался жизнелюбивым человеком, не растеряв всегдашнего огня в характере. Тем интересней для нас эта необыкновенная судьба.

Свой пристрастный рассказ о Гаврииле Романовиче я продолжу иллюстрировать строками из его «Записок».

У матери с отцом было всего 60 душ, и эта бедность — по тем представлениям и расходам — преследовала Державина почти всю жизнь. «Поманутый сын их был первым от их брака; в младенчестве был весьма мал, слаб и сух, так что, по-тогдашнему в том краю непросвещению и обычаю на-

родному, должно было его запекать в хлеб, дабы получил он сколько-нибудь живности».

Очень скоро Гаврила получил первые уроки несправедливости. После смерти отца Державиным пришлось вступить в тяжбу с соседями, которые посягнули на их и так небогатые владения, и потому «мать должна была с малыми своими сыновьями ходить по судьям, стоять у них в передних у дверей по несколько часов, дожидаясь их выхода; но когда выходили, то не хотели никто выслушать её порядочно... и она должна была ни с чем возвращаться домой со слезами...» Не с тех ли дней – обострённое чувство справедливости, что не покидало Державина всю жизнь и приносило ему столько хлопот и горьких минут?

В Казанской гимназии, куда его определили, Гаврила «оказал более способности к наукам до воображения касающимся», однако до творчества как такового было ещё далеко. Любил копировать карты Казанской губернии, а потому однажды директор гимназии господин Верёвкин взял одного ученика с собой в Чебоксары для снятия плана города. Поскольку в математике Державин силен не был, то выйти из положения он решил так. Приказал помощникам сделать рамы шириною в восемь сажен (мера ширины улицы) и носить вдоль строений, и если рама зацеплялась за какой-нибудь дом, то в журнале записывал: ломать. Из затеи этой вышло много неприятностей домовладельцам, зато Гаврила вышел из положения. Вот так и всю жизнь: бывало, и друзей насмешит, а не сдастся, что-нибудь да придумает. Иначе так и остался бы рядовым Преображенского полка, куда был определён в 19 лет.

Однако товарищи его из состоятельных семей куда быстрее шли в гору, стали получать звания и всё остальное. А Гаврила продолжал исполнять чёрную солдатскую службу. В редкие минуты отдыха читал Ломоносова и Сумарокова, начал писать побаски и песенки, составлять письма, в том числе и любовные, по просьбе своих товарищей. Наверное, было в этих опытах немало интересно, но в 1770 году на карантинной заставе, спеша въехать в Петербург побыстрее, Державин сжёг целый сундук рукописей.

Шли годы, а он всё служил. И только благодаря своим способностям медленно поднимался вверх. В невысоком звании унтер-офицера пробыл целых 9 лет! Однажды, «стоя в будке позади дворца в поле на часах, ночью, в случившуюся жестокую стужу и метель, чуть было не замёрз; но пришедшая смена от того избавила». Таких «подарков» судьба припасла ему немало.

Однако интерес к искусству не пропадал... Да вот возможностей заняться им по-настоящему всё не

было, как не было и должной среды. Однажды Державин, будучи вестовым, привёз приказ прапорщику князю Козловскому на дом и, услышав чтение стихов, невольно остановился. «Пооди, братец служивый, с Богом; что тебе попусту зевать? Ведь ты ничего не смыслишь», – небрежно бросил князь. Знал бы он, что через несколько лет этот бедный вояка напечатает свою первую оду, а там, придёт срок, будет принят самой императрицей как знаменитый поэт!

Будучи почти постоянно без денег, Державин, как многие преобразенцы, поигрывал в карты, в чём и признаётся в «Записках». «Если же и случалось, что не на что не токмо играть, но и жить, то, запершись дома, ел хлеб с водою и марал стихи при слабом иногда свете полушечной сальной свечки или при сиянии солнечном сквозь щелки затворённых ставней». Так всегда «проводил он несчастливые дни».

В 34 года Державин наконец выходит в отставку, ещё не зная, радоваться или нет, – так привык к армии. Однако же был наречён коллежским советником и получил целых 300 душ в Белорусской губернии! Бедность уже не преследовала его, как раньше, – а вот с творчеством ещё всё было впереди: и муки слова, и ученическая подражательность, и опять слишком мало времени из-за службы, уже гражданской. И всё-таки талант брал своё. Державин начинает активно печататься в журнале «Петербургский вестник», где появляются такие его известные стихи, как «На смерть князя Мещерского», «Ключ» и произведение, наделавшее немало шума в Северной столице, – «Властителем и судиям». Написано оно в традиционной для поэта форме оды. Но от былой высокой торжественности он переходит здесь почти к явному обличению власти царей, не способной защитить своих подданных. Каждая строка как гром для ушей сильных мира сего.

*Ваш долг: спасать от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.*

И чтобы уж совсем не осталось сомнения в его дерзости, поэт заверяет:

*И вы подобно так падёте,
Как с древ увядший лист падёт!
И вы подобно так умрёте,
Как ваш последний раб умрёт!*

Осталось напомнить, что строки эти написаны двести лет назад, когда русская поэзия делала первые уверенные шаги.

Стихотворение было тотчас изъято из журнала,

а после французских событий 1793 года приобрело зловещий для власти оттенок. А ведь поэт и не помышлял об уничтожении монархии! Но врождённое чувство достоинства, неприятие неправды в любом виде – сделали своё.

Кто знает, как бы сложилась его жизнь дальше, но через 3 года Державин пишет оду «Фелица», посвящённую Екатерине Второй, и входит, что называется, в милость. Хотя целью его отнюдь не было петь дифирамбы царице. Державин хотел показать, каким должен быть монарх, причём «высокий» стиль здесь то и дело сменяется «низким», приближенным к будничным картинам жизни:

*Велит и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая ум и руки,
Велит любить торги, науки
И счастье дома находить.*

Однако многое в окружающей его действительности Державин не хотел принимать, не мог и молчать, и потому всё чаще его стихи наполняли намеки, иносказания, понятные современникам, но для будущих поколений они могли превратиться в ребусы. И не случайно близкие ему литераторы советовали издать примечания к своим произведениям. Гаврила Романович соглашался с этим и так объяснял свою манеру стихосложения: «Будучи поэт по вдохновению, я должен был говорить правду; политик или царедворец по служению моему при дворе, я принужден был закрывать истину иносказанием и намеками, из чего само по себе вышло, что в некоторых моих произведениях и поныне многие что читают, того не понимают совершенно...»

Зато были и такие стихи, что дух захватывает при чтении от фантастической ясности и поэтической высоты. Речь идёт о стихотворении «Бог»:

*...Я связь миров, повсюду сущих,
Я крайня степень вещества,
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества.
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь – я раб, я червь – я Бог!*

Надо сказать, что диапазон его творчества был очень широк. К примеру, он написал либретто нескольких опер и хотя так и не дождался их постановки, но проложил дорогу другим, более успешным, например Ивана Крылова «Илья-богатырь». По иронии судьбы Державин ставил в своём творчестве на первое место именно драматургические произведения, а стихи считал – так, забавой.

Однако потомки рассудили иначе. Многие читатели с доброй улыбкой вспоминают его стихотворение «Евгению. Жизнь Званская», где поэт с упоительной радостью рассказывает о своём досуге в собственном имении «Званка». Стихи эти посвящались новому приятелю Державина – ученому монаху и литератору Евгению Болховитину.

*Я озреваю стол – и вижу разных блюд
Цветник, поставленный узором:
Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь-икра, и с голубым пером
Там шука пестрая – прекрасны!
Прекрасны потому, что взор манят мой, вкус,
Но не обилием иль чуждых стран приправой:
А что опрятно все и представляет Русь;
Припас домашний, свежий, здоровой.*

Какая откровенно-доверительная интонация, какие оттенки цветов, запахов, самого восторженного чувства! И далее в том же духе – о других удовольствиях и красотах деревенского досуга... Да это уже ода радости жизни – среди природы, среди близких людей, друзей-единомышленников, которые, зная великодушный характер хозяина, любили его навещать. Ничего не скажешь, за несколько лет до отставки по службе Гавриил Романович обеспечил себе очень неплохие «тылы». А если серьёзно, то и делал ощутимые шаги в развитии стихотворного языка.

В то же время Державин остро реагировал на главные события в стране. Когда Россия уже воевала с Наполеоном, Гавриил Романович создал целое представление «Пожарский, или Освобождение Москвы», в котором явлено его горячее чувство патриотизма.

Но вернёмся к биографии Державина, по-своему не менее красноречивой.

Вскоре после представления царице он становится губернатором в Олонецком крае, ныне Карелии. Неспokoйная натура поэта, жаждущая правды, скоро отмечает злоупотребления властью наместника Тутолмина и входит с ним в конфликт. Тем же, по сути, кончилось и его «правление» в Тамбове. Щепетильность губернатора в делах, его неподкупность быстро окружали его недоброжелателями. Не желая терять своего «певца», Екатерина отзывает Державина в Петербург и назначает своим личным секретарём.

Однако даже за короткий срок поэт успел, к примеру, в Тамбове открыть народное училище, учредить типографию. Но горько было ему убеждаться, что законы не исполняются, что один он не в силах что-либо переменить. В Олонце «обнаружилось не

токмо наглое своеволие и отступление наместника от законов, но сумасбродство и нелепица»...

А что уж говорить о Петербурге! И тут не смог он лицедействовать при дворце. Пришлось Екатерине освободиться от поэта. А он уже и не хотел воспевать тронных особ. Истинных героев нашёл Державин в лице Румянцева, Суворова и Потёмкина – доблестных русских полководцев. Для прославления их подвигов не скупится поэт на звонкий, яркий слог, не скрывает восхищения ратными их делами.

*Огонь, в волнах неугасимый,
Очаковские стены жрёт,
Пред ними росс непобедимый
И в мраз зелены лавры жнёт;
Седые бури презирает,
На льды, на рвы, на гром летит,
В водах и в пламе помышляет:
Или умрёт, иль победит...*

Однако слава поэта не давала покоя и взошедшему на престол Александру Первому, который в 1802 году назначил Державина министром юстиции. Но и тому не пришлось по вкусу независимость поэта, смелость в суждениях. И слава богу. Наконец-то, выйдя в отставку, Гаврила Романович полностью отдаётся литературе. Вскоре появляется в печати его сборник «Анакреонтические песни», ставший явлением в русской поэзии. «По любви к отечественному слову желал я показать его изобилие, гибкость, лёгкость и вообще способность к выражению самых нежнейших чувствований, каковые в других языках

едва ли находятся». И, надо сказать, с задачей он справился блестяще, проложив дорогу Жуковскому и Пушкину. Сколько гармонии чувства и слова, к примеру, в стихотворении «Русские девушки»!

*...Как сквозь жилки голубые
Льётся розовая кровь,
На ланитах огневые
Ямки врезала любовь?*

Александр Сергеевич Пушкин, в свою очередь рассказывая о первой встрече с Державиным на экзаме, заметил: «Я не в силах описать состояния души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилося с упоительным восторгом...» А как иначе, ведь сама фамилия – Державин – словно была частью службы поэта Отечеству и огромной любви к родной державе.

Любители поэзии называли его и «русским Анакреоном», и «русским Горацием», а это был прекрасный поэт, новатор в литературе и удивительно яркая личность. С упоительным восторгом и сегодня бьётся сердце каждого, кто прикоснулся к звонкой, яркой и смелой поэзии Гавриила Романовича Державина.

Праха его покоится ныне в Новгородском Кремле. Будете рядом – поклонитесь великому сыну России. Он заслужил это всем подвигом своей гордой и любящей души.

□

Валентина КОРОСТЕЛЁВА

окончила Литературный институт им. А.М. Горького.

Стихи, а позднее рассказы и очерки о русских писателях публиковались во многих «толстых» и «тонких» журналах.

К 2022 году издано 23 книги, из них 13 поэтических.

Член Союза писателей России.

Лауреат литературных конкурсов имени Андрея Платонова и Алексея Толстого, «Добрая лира», «Литературная Вена»,

а также им. Фёдора Тютчева и Андрея Белого.

Заслуженный работник культуры РФ.

